

ТОЛЕРАНТНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В ОТНОШЕНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н.В. Семенова

Аннотация. В статье рассмотрена проблема языковой нормы в аспекте ее расхождения с речевой практикой носителей русского языка. Одной из характерных черт русской языковой нормы является ее толерантность по отношению к речевым новациям, например, к заимствованию иноязычной лексики, что выражается в возможности одновременного существования в речи нескольких вариантов одной языковой единицы, обладающих различными наборами структурных, социальных, коммуникативных и иных характеристик. На примерах функционирования в русском языке заимствований, принадлежащих к разным тематическим областям, представлена классификация видов языковой толерантности, а также предпринята попытка проанализировать пути ассимиляции заимствований в русском языке и их закрепление в конкретных формах. Проанализированы примеры вторичного заимствования иноязычных единиц, которые, обладая общим семантическим ядром, заняли терминологические ниши в разных языковых сферах.

Ключевые слова: языковая норма, толерантность языковой нормы, заимствования иноязычной лексики, вариативность, ассимиляция.

Для цитирования: Семенова Н.В. Толерантность языковой нормы в отношении иноязычных заимствований в русском языке // Преподаватель XXI век. 2022. № 2. Часть 2. С. 361–367. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-361-367

361

TOLERANCE OF THE LANGUAGE NORM REGARDING FOREIGN LANGUAGE BORROWINGS IN RUSSIAN

N.V. Semenova

Abstract. The article considers the problem of language norm in the aspect of its divergence from the speech practice of native speakers of the Russian language. One of the characteristic features of the Russian language norm is its tolerance towards

© Семенова Н.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

linguistic innovations, such as borrowing of foreign vocabulary, which is expressed in the possibility of simultaneous existence in the speech of several variants of a single linguistic unit with different sets of structural, social, communicative and other characteristics. Using examples of borrowings belonging to different thematic areas the article presents the classification of types of linguistic tolerance, as well as an attempt to analyze the ways of assimilation of borrowings in Russian and their fixation in specific forms. The author analyzes examples of secondary borrowing of foreign language units, which, possessing a common semantic core, have occupied terminological niches in different linguistic spheres.

Keywords: *language norm, tolerance of the language norm, borrowing of foreign vocabulary, variability, assimilation.*

Cite as: Semenova N.V. Tolerance of the Language Norm Regarding Foreign Language Borrowings in Russian. Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education, 2022, No. 2, part 2, pp. 361–367. DOI: 10.31862/2073-9613-2022-2-361-367

В эпоху глобализации возрастает количество контактов между разными странами и культурами и, как следствие, происходит ускорение темпов заимствования иноязычной лексики, что отчетливо прослеживается на примере современного русского языка. Активизация данного процесса требует его активного осмысления с позиций языковой нормы и практики употребления подобных единиц в речи, а также выработки объективного, научно обоснованного отношения к данному явлению, что обусловило актуальность данной статьи.

При решении этой проблемы мы опираемся на исследования, посвященные вопросам языковой нормы и речевой практики [1; 2], а также на работы, освещающие с различных позиций иноязычные заимствования [3]. Новизна исследования определяется тем, что в настоящее время существует значительное количество лингвистических трудов, посвященных языковой норме, однако в них либо полностью отсутствует взгляд на ее отношение к заимствованиям, либо приводятся лишь отдельные примеры

употребления иноязычных единиц в речи, подтверждающие общее представление о языковой толерантности [4] и подвижности нормы.

Основной целью данной работы является определение понятия толерантности языковой нормы в отношении заимствованной лексики, что необходимо для дальнейшего определения ее влияния на формирование языковой картины мира и языкового мышления.

Отличие языковой нормы от речевой практики. Для русского лингвокультурного сообщества характерно разграничение нормы и практики. Под нормой обычно понимается то, что правильно и принято в языке на текущий момент и соотносится с авторитетным научным мнением, зафиксированным в грамматиках, справочниках и словарях [1, с. 35]. Более широко норма понимается как совокупность средств и способов речи, формировавшихся спонтанно на протяжении долгого времени [2]. Практика, или узус, понимается как язык речи естественного общения [1, с. 35].

Различие нормы и практики наблюдается на разных языковых уровнях. При

явном знании нормы (социальной, коммуникативной, языковой и т. п.) носители русского языка не стремятся во что бы то ни стало следовать ей. Знание, но несоблюдение нормы может быть продиктовано рядом причин: от недостаточного уровня культуры и образованности носителей языка до постепенного сдвига в самой норме.

Безусловно, не все люди, говорящие на том или ином языке, могут считаться хранителями и носителями нормы. Обычно ими являются представители культурных слоев общества, ученые, люди с высшим (гуманитарным) образованием, деятели культуры и иногда политики. Порой значительный вклад в формирование нормы могут внести отдельные личности. Так, например, благодаря выступлениям Д.А. Медведева, стало популярным слово «модернизация», которое и раньше существовало в русском языке, но использовалось редко.

Однако среди культурной элиты можно наблюдать противоположные взгляды на заимствования иноязычных единиц, что обусловлено традицией, берущей начало в XVIII–XIX вв. (споры новаторов и архайстов). Так, ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина М.Н. Русецкая на открытии вебинара из цикла о заимствованиях (в рамках акции «Емеля не ленись!») отметила значение иностранных слов для развития языка, однако подчеркнула, что в русском языке всегда находятся оригинальные аналоги заимствований:

«Мы далеки от идеи, что нужно из русского языка убрать, заменить, вытеснить все иностранные языки. Отнюдь. Мы, конечно, понимаем, что именно

благодаря заимствованиям, иностранным словам русский язык во все эпохи своего развития развивался, совершенствовался, обогащался, и эти же процессы идут и сейчас благодаря заимствованиям из английского и других языков. Но вместе с тем носители русского языка всегда были творческими, и всегда в русском языке появлялись варианты наименования различных предметов, явлений — наши национальные, наши отечественные»¹.

Сторонник этой точки зрения заслуженный профессор Института им. А.С. Пушкина В.И. Аннушкин говорит о необходимости изменения отношения к русскому языку и считает вслед за академиком Л.В. Щербой, что любовь и знание родного языка возможны при условии хорошего знания других языков: *«Вне всякого сомнения, нам нужно создавать иную атмосферу, иное отношение к своему родному языку. Все выдающиеся русские филологи никогда не отрицали иностранные языки. Академик Щерба в 30-годы XX века говорил, что выучить родной язык можно только тогда, когда ты хорошо знаешь иностранный язык, но при этом, конечно же, надо всячески изучать, любить, наслаждаться своим родным языком».*

В то же время профессор Н.А. Боженкова подчеркивает богатые возможности русского языка: *«Это вопрос отношения. Если есть выбор и ты знаешь, как выбирать, ты все равно выберешь родное слово. Когда выбора нет, ты выберешь то имя, которое тебе предлагают, а Конфуций говорил, что суть вещей всегда в <их> имени. И именно за это русскоязычное имя мы и хотим сейчас побороться»².*

¹ Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина // Прошел первый вебинар в рамках акции «Емеля не ленись!». URL: <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=27849> (дата обращения: 06.02.2022).

² Там же.

Развивая эту мысль, профессор Института русского языка им. В.В. Виноградова Л.П. Крысин говорит о своеобразной моде на заимствования и соответствующей игре слов, которой подвержена в основном молодежь, однако, по его мнению, такая игра неблагоприятно сказывается на языке: «*Бывает, что возьмут английский корень, слева и справа добавят русский суффикс или приставку и получается такое слово-уродец*»³. Такие новообразования чаще всего не выдерживают испытания языковой толерантностью.

Толерантность языковой нормы в отношении заимствований. Под «языковой толерантностью» обычно подразумевается «терпимость, проявляемая в языке»⁴, то есть определенный тип психоречевого поведения, в основе которого лежит отношение к собеседнику (или вообще к «другому») как к равному, уважение его достоинства и свободы [там же]. Толерантность языковой нормы выражается в вариативности и равнозначной возможности употребления нескольких разновидностей (вариантов) одной единицы. Можно предположить, что языковая толерантность является своеобразным психологическим основанием или предусловием для толерантности языковой нормы.

В речи рядовых носителей русского языка, не являющихся специалистами в области лингвистики или филологии, языковая толерантность или ее отсутствие обнаруживаются особенно остро. Степень толерантности при этом варьируется не только в рамках всего языкового сообщества, но и внутри отдельных социальных групп. Так, например, в

образованной (интеллигентной) среде можно встретить тех, кто при соблюдении условия целесообразности и умеренности спокойно относится к процессу заимствования иноязычной лексики в целом, однако среди представителей той же социальной группы можно наблюдать крайне негативное отношение к некоторым группам или отдельным заимствованным единицам (например, употребляемым преимущественно молодежью «*вау*», «*упс*», «*панч-лайн*», «*бади-бэг*» и производному «*сорян*»).

В итоге в языке остается та из конкурирующих единиц, которая в большей степени удовлетворяет коммуникативным потребностям общества. Процесс ее выбора занимает некоторое время. На отдельных этапах интеграции заимствований в принимающий язык можно наблюдать явление вариативности, когда одна и та же единица функционирует в языке в нескольких разновидностях (*майл* — *мэйл* — *tail*, *броузер* — *браузер*). Такая возможность существования единицы в нескольких формах подводит нас к понятию толерантности языковой нормы, обозначенному в трудах Л.П. Крысина: «*Свойство вариативности нормы, находящееся в диалектической связи со свойствами единства и общеобязательности нормативных установок, можно интерпретировать как проявление своего рода толерантности*»⁵.

Применительно к заимствованному вокабуляру можно выделить несколько видов толерантности:

1. Структурная толерантность: вариативность в фонетической, акцентной,

³ Валеева И., Белкова Е. Молодежная редакция РИА Новости // Иностранные слова как символ красивой жизни. URL: <https://ria.ru/20120423/632645856.html> (дата обращения: 06.02.2022).

⁴ Бегиян Е.А. Языковая толерантность в общем процессе мировой глобализации. С. 13.

⁵ Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. С. 205.

морфологической или синтаксической структуре единиц, например: *менеджер — менеджер, Бали — Балí, сэйлз-менеджер — менеджер/специалист по продажам*.

К данному типу можно отнести орфографическую вариативность (слитное, раздельное или дефисное написание) и варьирование по признаку склоняемости/несклоняемости, что характерно для существительных, восходящих к сложным словам и словосочетаниям английского языка: *индустрия фаст-фуда или индустрия фаст-фуд, в праймтайм или в праймтайме, флеш-моб или флешмоб*.

Фонематическое варьирование наблюдается при заимствовании слов, заканчивающихся на -с/-з: *дарт — дартс, бак — бакс, фьючер — фьючерс*.

Имена существительные на -шн/-жн имеют фонематические варианты, суть которых заключается в наличии или отсутствии звука [э] внутри: *промоушн — промоушэн, фьюжн — фьюжэн*. Подобные слова на начальных этапах могут встречаться как в кириллической, так и в оригинальной графике и употребляться как склоняемые и несклоняемые.

На отдельных этапах ассимилирования возможно относительное равноправие нескольких вариантов заимствований в акцептирующем языке, со временем часто предпочтение носителей отдается одному варианту.

2. Коммуникативная толерантность: выбор языковых единиц и признание их употребления нормативным зависит от коммуникативной ситуации и языковой картины мира, элементами которой оперирует в общении носитель языка.

Профессиональные финансисты, скорее, употребят термин «девальвация» по отношению к валюте, в то время как среднестатистические носители языка будут использовать фразы типа «рубль упал/

обесценился». В кондитерской сфере часто можно услышать «панкейки», но большинство людей, которые готовят подобное блюдо у себя на кухне, скажут «блины» или «блинчики». Можно сделать вывод, что в профессиональной среде чаще употребляются заимствованные термины, в то время как в бытовой речи чаще используются исконные аналоги.

При наличии родственных понятий в русском языке в профессиональной среде и для обозначения более специфических понятий употребляются такие мотивированные (производные) слова, как *банкинг* (ср. банк), *консалтинг* (ср. консультирование), *паркинг* (ср. парковка), *прессинг* (ср. пресс), *тренинг* (ср. тренировка), которые сразу графически оформляются и присоединяются к уже существующим в языке словообразовательным гнездам.

3. Социальная толерантность: соотнесенность выбора языковых единиц (в том числе и заимствованных) с теми или иными социальными группами и условиями. Например, в молодёжной среде порой используется большее количество заимствований (*релиз, комьюнити, брифинг, хэнд-мейд, копирайтер, хайп, пофиксить, закопипастить*) в отличие от группы людей среднего и старшего возраста; данный процесс имеет и обратную сторону: желающие интегрироваться в ту или иную социальную группу (например, казаться моложе и вызывать расположение молодежи и подростков, говоря с ними на их языке) могут прибегать к соответствующим заимствованиям чаще, чем в другом окружении.

Вариативность на уровне семантики рассматривается как вторичное заимствование, характерное для сфер экономики, информатики, искусства и спорта, вследствие чего появляются омонимичные заимствованные единицы с разным значением (см. табл.).

Примеры вторичного заимствования

Слово	Сфера употребления	Толкование
Ринг	Спорт	Ограниченная канатами площадка для бокса
	Экономика	Форма краткосрочного соглашения о скупке определенного товара
Свинг	Спорт	В боксе боковой удар
	Экономика	Верхний предел клирингового кредитования, устанавливаемый фирмами
	Искусство	1) Стиль джазовой музыки 2) Вид танца
Брейк	Спорт	1) В боксе команда «разойтись», «прекратить борьбу» 2) В теннисе гейм, выигранный на чужой подаче
	Экономика	1) В деловой практике быстрое и резкое падение цен 2) Денежная несбалансированность
	Искусство	То же, что брейк-данс
Серфинг	Спорт	Вид водного спорта
	Информатика	Последовательный просмотр пользователями содержимого Интернета

366

Таким образом, нормативная система русского языка толерантна к новациям в целом, но в то же время она служит своеобразным фильтром, который пропускает их или отвергает. На данный процесс влияют такие факторы, как коммуникативная ценность и необходимость (не только для наименования лакунарных явлений, но также для различения оттенков значений сходных и близких понятий), образность и экспрессивность заимствований, а также восприятие носителями заимствующего языка формы иноязычной единицы и ее оценка с позиции соответствия эстетическим представлениям принимающей лингвокультурной общности.

При проникновении иноязычных лексем в русский язык, как правило, допускается вариативность их использования, которая завершается становлением

нормы. Следствием этого процесса становится распределение заимствований по различным тематическим группам и отказ от одних разновидностей в пользу других, что продиктовано законом языковой аналогии, практической уместностью в определенной коммуникативной ситуации, благозвучием и иными, в том числе стилистическими причинами. Рассмотренная проблема свидетельствует об открытости русского языка к заимствованиям и активному процессу ассимиляции иноязычных единиц в соответствии с существующими нормами. Толерантность языковой нормы, которая сказывается применительно к заимствованиям на большинстве языковых уровней, обнаруживается на этапе адаптации заимствования к условиям русской языковой системы и картины мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеволодова, М.В. Язык: норма и узус (подходы к системе языка) // Вестник Московского университета. Серия: Филология. 2015. № 6. С. 35–57.
2. Крысин, Л.П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). С. 36–46.
3. Русский язык: исторические судьбы и современность: сборник материалов IV Международного конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во Московского ун-та, 2010. 893 с.
4. Крысин, Л.П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.
5. Бегиян, Е.А. Языковая толерантность в общем процессе мировой глобализации // Молодая наука: материалы Региональной межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Ч. 3. Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2015. С. 14–16.
6. Седова, Д.Д. «Архаисты» и «Новаторы»: обобщение полемики // Rhema. Рема. 2009. № 3. С. 61–74.

REFERENCES

1. Vsevolodova, M.V. Jazyk: norma i uzus (podhody k sisteme jazyka) [Language: The Norm and the Usage (Approaches to the Language System)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series: Filology* = Bulletin of the Moscow University. Series: Philology, 2015, No. 6, pp. 35–57. (in Russ.)
2. Krysin, L.P. Jazykovaja norma i rechevaja praktika [Language Norm and Speech Practice], *Otechestvennye zapiski* = Domestic Notes, 2005, No. 2 (23). (in Russ.)
3. *Russkij jazyk: istoricheskie sudby i sovremennost* [Russian Language: Historical Destinies and Modernity: A Collection of Materials of the IV International Congress of Researchers of the Russian Language]. Moscow, Moskovskij universitet, 2010, 893 p. (in Russ.)
4. Krysin, L.P. *Slovo v sovremennyh tekstah i slovarjah: ocherki o russkoj leksike i leksikografii* [The Word in Modern Texts and Dictionaries: Essays on Russian Vocabulary and Lexicography]. Moscow, Znak, 2008, 320 p. (in Russ.)
5. Begijan, E.A. Jazykovaja tolerantnost v obshhem processe mirovoj globalizacii [Language Tolerance in the Overall Process of World Globalization]. In: *Molodaya nauka. Ch. 3* [Young Science: Materials of the Regional Interuniversity Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, part 3]. Pyatigorsk, Pyatigorskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2015, pp. 14–16. (in Russ.)
6. Sedova, D.D. “Arhaisty” i “Novatory”: obobshhenie polemiki [“Archaists” and “Innovators”: A Summary of the Controversy], *Rhema. Rema* = Rhema. Rema, 2009, No. 3, pp. 61–74. (in Russ.)

Семенова Наталья Вячеславовна, аспирант, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, semenovanatalya95@gmail.com

Natalya V. Semenova, Postgraduate Student, Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, semenovanatalya95@gmail.com

Статья поступила в редакцию 07.02.2022. Принята к публикации 03.03.2022

The paper was submitted 07.02.2022. Accepted for publication 03.03.2022